

Моск. правда. — 1993. — 31 дек. — С. 8.

Сценарист — профессия бабья?..

Валерий Залотуха — тот самый человек, что широко известен в узких кругах. Впрочем, вы его тоже должны знать. Именно он придумал и написал истории, ставшие потом фильмами «Садовник» (реж. В. Бутурлин, в ролях — Олег и Лев Борисовы), «Макаров» (реж. В. Хотиненко, в ролях — С. Маковецкий, В. Ильин, Е. Майорова, И. Метлицкая) и др.

Но сегодня Залотуха, обладатель сценарного «Приза Эйзенштейна», автор известных картин, нашел своего режиссера. И, быть может, благодаря этому разговору найдет своего читателя и зрителя...

— А откуда вы меня знаете?
— Сценариста Валерия Залотуху?

— Я всегда с иронией отношусь к словам «известный сценарист». Откуда вы меня должны знать? Не актер, не режиссер. Наша профессия — тень, нас знают только «свои».

— Это нормально?
— Я к этому спокойно отношусь. Лишь бы было хорошее кино.

— Вы абсолютно лишены тщеславия?

— Славой сочтемся, что называется.

— Где кончается ваше участие в сценарии и начинается работа режиссера?

— Тут дело тонкое. Она и начинается вместе с режиссером, и кончается вместе с ним. Я говорю про идеальные условия — так, как мы работаем с Владимиром Хотиненко.

В «Макарове» совместная работа началась практически

с идеи. Мой герой был школьным учителем. Володя сказал: не могу я детей снимать, не хочу. И от этой беды я потихоньку выбрался на поэта.

Работа не кончилась, странным образом, и по сей день. Мы собираемся взять сцена-

рий, видеокассету и посмотреть: где я проиграл, где он. Чтоб не проигрывать в будущей работе.

— Но ведь иногда же сценарист работает без режиссера?

— Да, большинство сценаристов так и работают. В общем, это — беда. И я так работал, и, бывало, повезет — тогда хороший фильм. Скажем, так Витя Бутурлин снимал по моему сценарию «Садовника» (с Олегом Борисовым в главной роли).

А в другой картине, например, мне пришлось сменить свою фамилию в титрах на Николая Сидорова...

— Это было не то, что вы написали?

— Да, я сильно поссорился с режиссером.

— И такие конфликты часто бывают?

— Конечно. У режиссеров и сценаристов отношения — как между мужем и женой. Почему? Как это ни грустно, сценарист — профессия подчиненная, в общем, бабья, как я ее называю. И поэтому идут между режиссерами и сценаристами разборки. Режиссеры после премьеры всегда встречают коллегу и говорят ему: старик, нормально, хотя сценарий-то я читал, баракло. А сценаристы — наоборот: слу-

шай, ну вообще, конечно, как можно было такое наснимать, мы же знаем, как ты пишешь...

Вот такие особенности профессии. Я этого очень не люблю. Потому что самое главное — результат.

— Вам приходится принимать в расчет рынок?

— Сейчас на рынок вообще ориентироваться бессмысленно. К сожалению. Наше кино не смотрят — по той простой причине, что это наше кино. Даже если б мы сейчас сняли картину уровня «8 1/2» Феллини, ее бы тоже не смотрели, потому что она русская картина и в ней разговаривают на русском языке.

— Не получается так, что вы работаете в вакууме?

— Мне так не кажется. Впервые, люди все равно картину увидят. Я не говорю сейчас о рынке. Но, например, тот же «Макаров». В самом начале я сказал: Володя, я хочу снять фильм для нас, для себя, пусть даже для одного показа в Доме кино. Вот пусть «свои» посмотрят — узнают себя, не узнают, посмеются, плюнут ли, поцелуют ли...

Во-вторых, есть наша, личная потребность в этом. Конечно, это наш хлеб. Но и больше, чем хлеб. Потому что если, например, Хотиненко не даст снимать кино, он погибнет. А я

его очень люблю... Я надеюсь, что мы нужны. В конце концов кино — элемент нашей национальной культуры. Когда Гайдар совсем не давал денег на культуру, я говорил: ну, нет кино, нет литературы, нет театра, потому что есть рынок, есть «Сникерсы» и жвачка. Но случится ситуация, когда им придется выйти и сказать: ребята, народ, спасайте! А они скажут «хэлло, Боб!», прилепят ему жвачку ко лбу и пройдут мимо, потому что это будет уже не народ, это будет что-то другое...

— Валерий, бывает так, что ваши сценарии остаются невостребованными?

— Да. Вот лежит у меня сериал по Мельникову-Печерскому. Называется «Староверы». Когда я писал, это еще можно было снять, а сейчас таких денег просто быть не может.

— Когда по вашим сценариям ничего не снимается, на что вы живете?

— Наша профессия действительно рискованная, но я уже лет восемь работаю и ни разу не голодал. Но и ничем другим не занимался.

Когда начинался рынок, я понимал, что кино наше никому не будет нужно, и приготовил себя к побочной работе. Я по первой профессии журналист, так что знаю: не пропаду.

— На конкурсе Эйзенштейна вы получили одну из первых премий за свой сценарий «Великий поход за освобождение Индии». По этому сценарию Хотиненко собирается снимать фильм. О чем?

— Однажды, лет пять назад, я прочитал в газете «Правда», что наши доблестные вожди революции в 1921 году готовили вооруженный поход на Индию. Это — исторический факт, засекреченный до поры гласности. Я был потрясен. И тогда же написал заявку и принес ее Хотиненке. Он очень обрадовался, показал ее Никите Михалкову, своему наставнику. Тот прочитал и сказал: «Никто вам не даст таких денег, забудьте».

И мы забыли. Забыли, и я время от времени, изредка вспоминаю про него, думал: вот еще одна история, которую я никогда не напишу. Грустно, но я ее никогда не напишу.

А потом, когда был объявлен конкурс, мы отправили эту заявку, и она из 600 прошла в числе десяти в первый тур. И тогда уж я написал сценарий.

Меня эта мысль, сама по себе, поразила. Я представил себе наших в Индии — красноречивых, буденовцев. Меня так захватила эта идея, что я писал сценарий, практически

веря в то, что это было на самом деле.

И получился не сценарий, а киноман, где на двухстах страницах доказано то, что наши были в Индии. Эта история начинается где-то с 20-го года и кончается в наши дни. Там прослеживается судьба одного человека, которого я очень люблю, командира полка Ивана Навикова. Он был участником Великого похода, а потом остался в Индии, стал индусом и умер совсем недавно.

Я выяснил кучу интересных вещей. Недавно по радио кто-то с очень умным видом говорил: у нас есть основания считать, что в Мавзолее лежит не Ленин, а другой человек. И я сказал: ну, конечно же, и я знаю, что его зовут Шмидкин!

В сценарии, скажем, есть такая фраза: то, что не сделала русская революционерка Фанни Каплан, сделала английская аристократка Фанни Роуз. Именно она убила Ленина — в Индии, в городе Бенарес, 7 ноября 1923 года.

— А вы сами в это верите?

— Если бы не верил, я бы этого не написал. Володя сопротивлялся всячески, потому что знал — это минимум два года жизни. За это время можно было бы снять два фильма.

Но эту картину не обойти. Нам — не обойти.

Мы ввязались в практически невыигрышное дело, хотя Хотиненко убежден в обратном. Когда мне вручали «Приз Эйзенштейна», я сказал, что деньги на «Великий поход» в стране есть, но это — все деньги, которые есть в стране. А потом мы услышали Черномырдина, который сказал: «Мы, мол, поднапряглись и решили выделить на культуру 10 миллиардов рублей — все, что можем». А это как раз та сумма, которая нужна на фильм. Так что я угадал.

Нам надо собрать примерно 10 миллиардов рублей (от 6 до 10 миллионов долларов). В кино на Западе — это, в общем, средняя нормальная сумма. Но для нас это сумма огромна.

Впрочем, на «Макарове» у нас тоже не было ни копейки. Я тогда предложил одной фирме профинансировать начало съемок, пообещав им за это скрытую рекламу в фильме. Они отказались, а теперь, уверен, жалеют. Потому что «Макарова» будут смотреть на Западе, его сейчас просят фестивали.

Нам придется искать спонсоров и для того, чтобы снять «Великий поход за освобождение Индии». Это трудно. Но секрет в том, что кино — настоящее кино — очень благодарная штука.

Полина ОРЫНЬАНСКАЯ.
Фото Валерия ВОЛКОВА.